

Наталья Способина

ИСТИННОЕ ВОЛШЕБСТВО
ДАР КОЩЕЯ

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Наталья Способина

Истинное волшебство. Дар Кощея

2023

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

Способина Н.

Истинное волшебство. Дар Кощея / Н. Способина —
2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214026-8

Приключения четырех подростков из летней школы волшебства в Тридевятом царстве. Волшебство вышло из моды и для большинства людей осталось лишь пережитком прошлого. Но только не для Евы Громовой! Следуя за мечтой, она тайком от родителей уезжает в школу магии, еще не зная, что в первый же день отправится на поиски пропавшей шапки-невидимки и попадет в Тридевятое царство. Однако настоящая сказка оказывается мрачнее книжных, и без помощи друзей из замка Кощея Бессмертного не выбраться... Для кого эта книга Для поклонников потрясающего литературного стиля Натальи Способиной. Для тех, кто любит книги о Гарри Поттере и Перси Джексоне. Для тех, кому было бы интересно прочитать о школе волшебства и старых добрых сказках. Понравится поклонникам истории братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и НИИ ЧАВО.

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214026-8

© Способина Н., 2023

Содержание

Пролог. В лесу	8
Глава 1. В шаге от мечты	10
Глава 2. Волшебная дорога	14
Глава 3. Добро пожаловать в школу	20
Глава 4. Артефакты	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Способина

Истинное волшебство. Дар Кощея

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Наталья Способина, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Пролог. В лесу

– Проснись, дитя, – слышит она чей-то голос, и прохладная рука касается ее лба.

Распахнув глаза, Ева видит перед собой человека в черном плаще. В лесу сумрачно, и она не может разглядеть его лицо, но почему-то отчетливо различает глаза, а еще у него очень странный голос.

– Вставай. Скоро ночь, а людям в этом лесу ночью не место.

Ева послушно встает и позволяет взять себя за руку. Она бросилась за сбежавшим в лес Чопиком – их маленьким щенком. Но мало того, что Чопика не нашла, так еще и сама заблудилась. Она бродила по лесу долго. Так долго, что проголодалась и очень устала. Поев ягод с большого куста, она еще немножечко побродила, а потом совсем обессилела, прилегла на мягкий мох и, кажется, уснула. Наверное, она так бы и проспала всю ночь, если бы ее не нашел этот человек в черном плаще.

Человек молча ведет ее по тропинке, и Ева послушно идет за ним. Она знает, что говорить с незнакомцами, а уж тем более куда-то с ними ходить ни в коем случае нельзя. Но почему-то ей совсем не страшно.

– Это волчья ягода, – вдруг говорит незнакомец, указывая на куст у тропинки, с которого Ева срывала ягоды. – Запомни: ее нельзя есть.

Ева торопливо кивает, чувствуя стыд. Она знала о волчьей ягоде – мама с папой о ней рассказывали. Но все равно, проголодавшись, попробовала. Совсем чуть-чуть. Но больше не будет. Честно-честно.

Она готова оправдываться, но человек больше ничего не говорит. Просто тянет ее за собой по тропинке.

– Е-ва-а! – доносится откуда-то издалека. – Е-е-ва-а!

Человек в черном плаще останавливается и, повернувшись к ней, присаживается на корточки. Теперь их лица на одном уровне, но Ева по-прежнему почему-то видит только его глаза.

– Тебя ищут. Не уходи больше одна и помни про волчью ягоду.

Ева торопливо кивает. Ей не терпится побежать к родителям. Среди хора зовущих ее голосов она отчетливо слышит мамин.

Человек в плаще едва заметно улыбается и кладет руку ей на макушку. Мир вокруг будто исчезает. Остаются только его глаза – темные-темные.

– Никто никогда не одержит власть над твоим разумом. На всякий свой вопрос получишь ты ответ, в котором будет только правда, и всяк, кто будет нужен тебе, придет на твой зов, – негромко говорит человек.

Пока он говорит, Ева не помнит о маме, не помнит о том, зачем убежала в лес... Будто все остальное становится неважным.

– Беги, дитя, – вновь улыбается человек в плаще, убирая руку с ее головы.

Когда он встает, его плащ на миг распаивается, и на фоне черных одежд Ева видит блеск настоящего меча, висящего на его поясе. В рукояти меча осколком закатного солнца ярко горит алый камень.

– Беги, – повторяет человек, и Ева бежит на голоса.

По пути она вспоминает, что так и не сказала спасибо, но на тропинке позади нее уже никого нет. Лес вдруг кажется совсем темным и зловещим, и Ева мчится со всех ног, мечтая об одном: поскорее обнять маму.

Ее встречает не мама, а мужчина в оранжевом жилете и с фонариком в руке.

– Нашел, – говорит он в рацию, висящую на груди, и подхватывает Еву на руки. – Жива. В сознании.

Мужчина выносит ее из леса навстречу маме, папе и незнакомым людям, которые вели поиски почти восемь часов. Ева хочет рассказать о человеке в плаще, но почему-то молчит. Ее везут в больницу и почти не ругают, а у нее появляется самая главная тайна в жизни.

Глава 1. В шаге от мечты

– Завтра приеду, как и договаривались. Родители не в курсе.

– Спасибо! Спасибо! Ты самый лучший брат на свете! – Ева подпрыгнула от радости.

Она бы и в ладоши захлопала, но одной рукой ей приходилось прикрывать правое ухо, чтобы хоть что-то расслышать в шуме школьного коридора, а второй – прижимать телефон к левому уху. Илья не мог говорить громко, потому что сидел в поезде. А в поезде он сидел именно потому, что был самым лучшим братом на свете. Официально. Ну кто еще согласился бы на такую авантюру: сказать родителям, что забирает ее на пару недель к себе в Сочи, хотя на самом деле она еще полгода назад подала заявку в летнюю подготовительную школу при Российской академии волшебства (РАВ), после которой у нее был шанс попасть в самую волшебную школу и стать наконец настоящей волшебницей?

Одним из условий приема в летнюю школу было согласие родителей. Поэтому, оставляя на сайте академии заявку, Ева была уверена, что ничего не выгорит: мама ни за что на свете не одобрила бы эту затею и папа здесь был не помощник. Как Илье удалось решить вопрос с нотариально заверенным согласием, Ева не знала, но три дня назад ей на почту пришло письмо с информацией о зачислении в школу.

Еще не веря до конца в происходящее, Ева вернулась в класс. Урок уже начался, но в последний учебный день это, понятное дело, никого не волновало. Завтра должен был прозвенеть последний звонок, и этому событию было посвящено процентов девяносто всех разговоров в классе. Оставшиеся десять приходились на вялые попытки кого-нибудь из ботанов выяснить, какой профиль кто выбирает в следующем году.

Еву о планах никто не спрашивал по банальнейшей причине: Ева Громова в своем восьмом «В» была пустым местом. Эдаким призраком, который проявлялся для окружающих, если у кого-то из них возникало желание поприкалываться. Почему? Вряд ли кто-то мог бы ответить на этот вопрос. Ну разве для чьих-либо жестокости и тупости когда-то нужна была причина? Просто все знали, что Громова помешана на волшебстве, и этого было достаточно.

Впрочем, сегодня Еву это не волновало: уже послезавтра она прикоснется к миру, о котором мечтала всю свою жизнь.

– Ты чего такая довольная? – спросила Арина, с которой Ева сидела за одной партой с первого класса.

Они не были подругами, но Арина относилась к той породе людей, которым не нравилось унижать других.

Ева заняла свое место и после секундного раздумья решила поделиться с ней радостью. Арина не станет смеяться. А Еву точно разорвет от счастья, если она будет держать все в себе.

– Я еду в летнюю подготовительную школу при РАВ! И если все выгорит, вообще туда переvedусь! – понизив голос, сказала Ева и сцепила дрожащие пальцы в замок.

– Ку-да ты едешь? – протянул, чуть повернувшись, Костик Фёдоров, сидевший перед Евой, и та замерла. Делать эту новость достоянием общественности она не планировала. – Серьезно? В школу при РАВ?

– Тебе-то что? – пожала плечами Ева.

Арина бросила Костику:

– Не с тобой разговаривают.

Но Костика это ожидаемо не остановило. Кто же упустит такой повод поржать? Вскочив с места, он громко объявил:

– Прикиньте, Громова едет в летнюю школу при РАВ!

Ева демонстративно закатила глаза, хотя у самой сердце ушло в пятки. Она не умела давать отпор. Каждая такая стычка заканчивалась ее слезами. Нет, при всех она держалась, огрызалась, а потом тихонечко ревела в своей комнате.

Золотарёва Жанна – главная звезда класса – отреагировала первой. Ей было положено по статусу. Именно Золотарёва определяла настроение дня в восьмом «В». И как правило, тем, кого она на сегодня назначала мишенью, это настроение не нравилось.

– Не, ну то, что Громова со своим волшебством двинется окончательно, было, конечно, ожидаемо, – лениво протянула Золотарёва, глядя на Еву.

В классе раздалась смешки.

Арина, сидевшая рядом с Евой, покраснела и открыла было рот, но Ева сжала ее ладонь под партой, прося не вмешиваться. Ева, возможно, уйдет отсюда и больше никого из них не увидит, а Арине здесь еще учиться три года.

– Ну а куда ей еще, кроме волшебного класса? – заметила Вика Моросова, лучшая подружка Жанны. – Как там? Не осилил учебники, иди в волшебники.

Смешки перешли в хохот.

– Блин, прикиньте, Громова как вернется из этой своей летней школы, как найдет на всех нас порчу, – заржал Костик.

В принципе, Ева была бы не против уметь это делать, чтобы остановить поток их бессмысленных шуток. Самое паршивое заключалось в том, что они не видели проблемы в своих издевательствах. Они ведь никогда не бывали теми, над кем насмеваются.

– Не, она же у нас волшебница. Она к нам уже не вернется, – с притворным сожалением произнесла Золотарёва и добавила: – Нужно устроить проводы Громовай в последний путь.

– Венок закажем, – подхватил Костик, а потом повернулся к Еве и совсем миролюбиво спросил: – Ну зачем тебе волшебство, Ев?

Ева знала, что на вопрос не нужно вестись – за этим последует новый виток насмешек. Но этот почти нормальный тон, обращение по имени и то, что Костик к ней повернулся, заставили ее ответить. Она, дурочка, каждый раз еще надеялась, что случится чудо и они наконец поймут, что ведут себя как идиоты.

– Мне просто нравится волшебство, – сказала она, покосившись на спину Женьки Жарова, который не спешил присоединиться к общему веселью. Он даже не обернулся – так и продолжал рисовать какую-то ерунду на доске: то ли смерть в балахоне, то ли всадников апокалипсиса.

– Это не лечится, – вынес вердикт Костик.

У Евы было гадко на душе. Отчасти от того, что в чем-то они были правы: грезить волшебством в наше время было как пользоваться кнопочным телефоном – удел совсем уж старых людей, которые никак не могли приспособиться к новой жизни.

Волшебство не просто вышло из моды, оно высмеивалось и критиковалось. Волшебные должности упразднились. И если раньше из каждого утюга говорили о том, что использование волшебства в повседневной жизни неоправданно, потому что затраты волшебника несопоставимы с мизерным результатом, то вскоре о волшебстве перестали упоминать вовсе. Оно вроде бы еще существовало, но никому не приходило в голову им пользоваться. В школах пропали волшебные классы, люди разучились колдовать. В битве за умы людей волшебство вчистую проиграло науке.

Вот только Ева мечтала о том дне, когда оно вернется в их мир и вновь займет свое законное место. Однажды ей попался тред о том, что волшебство ушло в тень не просто так, что за масштабной кампанией, призванной предать волшебство забвению, кто-то стоит. Возможно, Ева была слишком наивной, но она верила: то, что один человек может разрушить, другой непременно сможет восстановить. У нее была цель. И для этого ей нужно было во что бы то ни стало стать настоящей волшебницей.

– Короче, скидываемся на венок, – решил Костик и, встав со своего места, сделал вид, что лезет в карман за деньгами.

– Захлопнись! – неожиданно сказал Жаров, не отвлекаясь от рисования на доске.

Костик нахмурился и сел на свое место, а Жаров наконец отложил мел и, повернувшись, посмотрел прямо на Еву.

Ева внутренне подобралась. Никто никогда не знал, чего ожидать от Жарова. На тех, кто с ним близко не сталкивался, он производил вполне приятное впечатление. Например, Евина мама считала, что он милый и вежливый мальчик. Жаров действительно с виду был милым: голубоглазым, с русыми кудрями. Суший ангелочек. Но правда заключалась в том, что утром он мог переводить бабушек через дорогу, а после обеда раздобыть где-то строительную пену и запенить ею замочные скважины в паре десятков кабинетов. Просто так.

А еще он мог вроде бы вписаться за тебя, а потом сделать что-нибудь такое, что предыдущие разборки покажутся детским лепетом. Так однажды пару лет назад он отобрал Евин рюкзак у того же Костика, который как раз собирался вытряхнуть его содержимое на землю и зачитать всем ее личный дневник: учительница психологии обязала весь класс записывать мысли, посещающие в течение дня. Ева, понятное дело, не горела желанием делиться своими переживаниями с одноклассниками, поэтому успела испытать облегчение и благодарность к Жарову, который просто проходил мимо и решил вмешаться. Вот только длилась ее радость минуты полторы, потому что Жаров зашвырнул ее рюкзак в ближайшую лужу и пошел дальше как ни в чем не бывало. А Еве пришлось под всеобщий хохот вылавливать промокший рюкзак из мутной воды. Дневник тогда тоже промок – и часть записей потекла. Ева получила двойку за практическую работу по психологии и очередной повод для «любви» к одноклассникам.

И сейчас она напряженно следила за Женькой, не зная, чего ждать. Однако тот, перестав наконец на нее пялиться, направился к окну и, бесцеремонно сдвинув в сторону чахлую герань, уселся на подоконник спиной к открытой створке. Он по-прежнему ничего не говорил, и это было странно.

– Жаров, ну-ка слезь немедленно! – раздался от двери голос учительницы математики. – С ума сошел? Четвертый этаж.

– Да не волнуйтесь, Елена Ивановна, я левитировать умею.

Жаров закинул ногу на ногу и, придерживаясь за раму, отклонился назад.

– Слезай сейчас же, левитатор! – закричала Елена Ивановна, и кто-то из девочек взвизгнул.

У Евы тоже екнуло в груди, потому что она никогда не могла понять причины выходов Жарова и границы, которые он готов переступить.

– Ну правда умею. Показать?

Что он там собирался показывать, было непонятно. Левитации обучали только в академии, и прилично летать волшебники начинали лишь ко второму году практики.

– Женья, ну хватит! – попросила Елена Ивановна.

– Ну хватит так хватит, – притворно вздохнул Жаров и спрыгнул с подоконника.

– Вот что тебе вечно нейдет? – покачала головой учительница, подходя к своему столу. – Что на этот раз случилось?

– Да скучно просто, – серьезно заявил Жаров.

– Да просто Громова в волшебную школу намылилась, – издевательским тоном сказала Золотарёва.

Ева сжала зубы. Вот кто ее тянул за язык? Не дай бог теперь родители узнают.

– Ева, ты всерьез решила идти в волшебную школу? – удивленно спросила Елена Ивановна и сняла очки, а потом снова их надела. Так она делала, когда на ее уроках что-то шло не по плану. – Ева, ты же понимаешь, насколько это бесперспективно? Ты просто потеряешь три года и потом никуда не поступишь!

– Я понимаю, – Ева с трудом разлепила губы, чувствуя, как горит лицо.

– Неужели твои родители поддерживают?

Ева кивнула, опустив голову. Врать она совсем не умела.

– Хотя да, у тебя же папа... Ладно. Женя, займи, пожалуйста, свое место, – сказала Елена Ивановна, и Жаров неожиданно не стал выделываться.

Проходя мимо Золотарёвой, он одним движением смахнул на пол все, что перед ней лежало.

– Упс, – сказал он и уселся на свое место позади Евы.

– Придурок, – прошипела Жанна, заливаясь краской.

Костик тут же бросился собирать ее вещи с пола, а Елена Ивановна сделала вид, что ничего не произошло. Ева иногда не понимала действий не только одноклассников, но и учителей.

Взгляд Жарова жег ей затылок до конца урока. Очень хотелось обернуться и попросить его прекратить пялиться, но Ева не хотела лишний раз нарываться. И так было тошно.

Глава 2. Волшебная дорога

– Все, мамочка, пока. Мы опаздываем, – Ева натянула джинсовку и бросила взгляд на часы с кукушкой, висевшие в прихожей.

Часы папа привез из Усолья-Сибирского, куда ездил в позапрошлом году на Сибирский конгресс волшебников. Как и в любом волшебном предмете, в них не было ни батареек, ни каких-либо механизмов, но кукушка исправно выскакивала из домика каждый час. Пока выскакивала. Ева, вопреки здравому смыслу, надеялась, что волшебство часов не иссякнет, хотя никаких оснований для этой надежды не было. Волшебство иссякало. Всегда. Поэтому в нем не было смысла. Еще лет пять назад об этом рассуждали все, начиная от блогеров и заканчивая ведущими новостных каналов. Теперь же даже разговоры о волшебстве сошли на нет.

Мама на миг обняла Еву, а потом потянулась обнять и поцеловать Илью, и Еве пришлось прижаться к стене, потому что три квадратных метра явно не были рассчитаны на двух уже взрослых детей не самой хрупкой комплекции и такую же весьма упитанную женщину. Особенно если учесть, что часть пространства прихожей занимал свернутый ковер-самолет, который давно не летал, но с которым папа все никак не мог расстаться, а с потолка свисала раскидистая люстра-самосвет, которую без конца все задевали. Она, кстати, тоже работала с перебоями, отчего по вечерам здесь частенько было хоть глаз выколи.

– Смотрите, осторожно там, хорошо? – Мама поправила капюшон толстовки Ильи. – Следи за ней, ладно?

– Есть! – Илья попытался вскинуть руку к виску и едва не сшиб люстру.

– Мам, ну ничего не случится, – успокоила Ева.

– Знаю я вас. Как доберетесь, позвоните.

– Хорошо, – хором ответили они.

– И, Ева, никаких авантюр с волшебством, договорились?

Ева кивнула, скрестив пальцы за спиной.

– Все, мамуль, мы правда опаздываем.

Илья подтолкнул Еву к двери, и после нескольких секунд суматохи, в течение которых мама снова их обнимала и целовала, они наконец выбрались из квартиры.

– Так, давай рысью. Реально опаздываем, – брат забросил на плечо Евину спортивную сумку и побежал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Ева бросилась следом.

Во дворе он запихнул сумку в багажник старенькой «Лады», оставшейся от деда. Бедная «Лада» пережила папину попытку сделать из нее волшебный объект, вернулась вновь в стан обычных машин и, к счастью для Ильи, перестала папу интересовать. Ева с грустной улыбкой вспомнила папины отчаянные попытки сделать так, чтобы их «Лада» ездил без бензина.

– В Коломенское или Царицыно? – спросил Илья, выезжая со двора.

– В Коломенское, – выдохнула Ева и зажала ладони между коленей.

Ей до сих пор не верилось, что у них получилось. Ну, почти, потому что говорить об окончательном успехе можно будет, только когда она окажется в стенах РАВ.

– Так, голосовые твои я все получил. Буду слать маме. Но ты тоже оттуда ей звони, если сможешь, чтобы совсем не палиться. Я сказал, что мы, типа, в походе будем пару-тройку дней. Ну, в общем, убьют нас родители все равно, но лучше позже.

Илья вздохнул и, побарабанив по рулю, добавил:

– Лучше бы в английский лагерь поехала.

– Ничего ты не понимаешь, – вздохнула Ева и тронула пальцем болтавшуюся на зеркале заднего вида ароматическую елочку. – Волшебство однажды вернется, и тебе будет стыдно.

– Да куда оно не вернется, Ев, потому что куда не уходило. Оно было нужно, когда у нас не было достижений науки, понимаешь? Ну, кому, кроме нашего папы, сейчас придет в голову лететь на дачу на ковре-самолете, на котором холодно, неудобно да и просто небезопасно?

Ева закатила глаза. Спорить было бессмысленно. Наверное, если твое сердце не заходило в восторге от осознания того, что тебя удерживает над землей волшебная сила, что ковер тебя слышит, то никто и никогда не сможет убедить тебя в том, что это в сто раз круче, чем путешествие на самой удобной машине.

Они выехали на проспект Андропова, и в стороне показались башенки и купола развлекательного центра «Остров мечты». Ева смотрела на них и с грустью думала о том, что в детском парке нашлось место только самым простым видам волшебства, хотя можно ведь было создать настоящий сказочный городок с полетами, перемещением предметов, гонками на сапогах-скороходах... Впрочем, грустила она недолго, потому что ее саму ждало погружение в мир истинного волшебства.

Музей-заповедник «Коломенское» всегда поражал Еву своей красотой и ухоженностью, и, скорее всего, она любила бы это место просто даже за его яблоневые сады, множество архитектурных памятников, свезенных сюда с разных уголков России, и огромные вековые дубы. Но, помимо этого, на территории парка находился Южный шлюз Московской волшебной дороги (ЮШМВД), по которой можно было за считанные минуты добраться до любой точки России и, имея соответствующие документы, зарубежья.

Илья проводил Еву до места сбора. Оказалось, что желающих поехать в волшебную школу набралось всего трое, включая ее саму. Еве было немного неловко, когда Илья обнял ее на виду у всех, потому что, ну... это правда неловко, но все-таки она слишком любила брата, чтобы попросить этого не делать.

– Шли фотки, не пей из копытца и все такое, – напутствовал ее Илья и, пожелав всем хорошего отдыха, ушел, а Ева повернулась к ребятам.

У девочки, со скучающим видом сидевшей на скамейке, была асимметричная стрижка с длинной челкой, ярко окрашенные ресницы и маленькое колечко в левой ноздре. На ее шее висел заламинированный пропуск, подписанный «Видова Анжелика, ГБОУ “Школа № 2043”». Ева вспомнила о своем пропуске и вытащила его из рюкзака. Илья распечатал его у себя на работе и сам же заламинировал. Стало немного грустно от мысли, что других детей в школу наверняка собирали родители, а ей пришлось фактически сбежать из дома. Да еще втянуть в авантюру брата.

– Привет, я Ева, – сказала она, повесив пропуск на шею.

– Привет, – скучающим тоном ответила девочка. – Я Лика.

Сказав это, Лика отвернулась в сторону, давая понять, что заводить дружбу с Евой не намерена. Ева порадовалась тому, что не успела протянуть руку для рукопожатия, и мысленно вздохнула, поняв, что и здесь нормального общения не получится. Впрочем, ничего нового. Ева никогда не была популярной. Начать с того, что она была помешана на волшебстве, не умела вести себя с незнакомыми людьми, прибавить к этому то, что она была жирной, по версии одноклассников, имела крупную кость, по версии мамы, и была абсолютно нормальной, по версии Ильи, который и сам не отличался хрупкостью, и становилось понятно, почему Еве Громовой ни при каких обстоятельствах не грозило стать самой популярной девушкой в классе или хотя бы завести нормальных друзей.

И самой везучей Еве тоже явно не грозило стать, раз даже в летней школе ей «посчастливилось» наткнуться на аналог Золотарёвой. Ева вздохнула и повернулась к стоявшему чуть в стороне мальчишке.

«Голосов Валерий, ГБОУ “Школа № 2043”», – было написано на его пропуске. Забавно, что они с Ликой приехали из одной школы.

Ева окинула Валеру взглядом и поняла, что с таким, пожалуй, она сама вряд ли рвалась бы подружиться. У Валеры было бледное, широкое, как блин, лицо, курчавые черные волосы, и его мама тоже, наверное, уверяла сына в том, что у него крупная кость, а брат, если он был, говорил, что он «ничё так, нормальный». На Валере были какие-то ужасные вельветовые штаны песочного цвета, голубая рубашка и белые кроссовки. А на носу красовались очки в массивной коричневой оправе. Такие носил Евин дедушка, когда был жив.

В общем, Еве он скорее не понравился. Но длилось это ровно до того момента, как Лика спросила:

– Голосов, сколько времени?

Прозвучало это так, будто Лика не считала Валеру человеком вообще. Ева снова подумала о Золотарёвой. Та вела себя так же.

– Без пяти, – с готовностью отозвался Валера, словно не замечая ее тона.

И вот тут Ева поняла, что ей нравится Валера, что он прекрасный мальчик, а Лика может идти куда подальше.

– Привет, – улыбнулась Ева, слегка покраснев от того, что сама в душе пыталась встречать по одежке.

– П-привет, – заикаясь, пробормотал Валера и пожал ее протянутую руку. Рукопожатие вышло вялым, а ладонь у Валеры была влажной от пота, и Ева незаметно отерла свою руку о джинсы.

– Ну что, идем? – предложила Лика, взявшая на себя роль лидера.

На Еву она не смотрела, явно потеряв к ней интерес после ее общения с Голосовым.

– Да идем, блин, идем, – раздалось за спиной Евы, и она, резко обернувшись, едва сдержала страдальческий стон.

Что она там думала о своей везучести? Отныне и навеки можно было выбить на всех скрижалях, раструбить по всем каналам, послать сигнал в космос: «Ева Громова – самый невезучий человек во Вселенной». И точка.

– А то Громова сейчас налетит на нас громы и молнии, простите за каламбур. Мы промокнем, замерзнем насмерть в порталах и заболеем, – продолжил Жаров, с которым Ева мысленно распрощалась на школьной линейке и которого от души надеялась не видеть как минимум три месяца. А лучше три года. А еще лучше триста лет.

– Если ты замерзнешь в портале насмерть, то ты уже не сможешь заболеть, – рассудительно заметил Валера Голосов.

– Господи, – вздохнул Жаров, – и с этими людьми мне предстоит провести две недели.

Лика неожиданно засмеялась, а Ева впервые в жизни была солидарна с Женей Жаровым. С этими людьми ей придется провести две недели.

Вздохнув, она поплелась вслед за Ликой ко входу в Коломенское, а потом по дорожке, по лесенке, через ворота, мимо десятка разномастных голубей, ворковавших у крыльца старой церкви, к Южному шлюзу Московской волшебной дороги.

Столетние дубы шумели над ее головой, толпы туристов, несмотря на ранний час, осаждали туристический маршрут, радуясь теплоте летнему деньку, а Ева шла к своей давней мечте в весьма неприятной компании и уже не очень была уверена в том, что хочет идти к этой мечте и в этой компании.

Шлюз находился в одной из построек музейного комплекса. Лика остановилась у двери с табличкой: «ЮШМВД». Сейчас в Москве работало всего три шлюза, каждый из которых располагался на территории музеев-заповедников. На самом деле изначально шлюзами были оборудованы большинство станций метрополитена, но в рамках единой городской транспортной сети просуществовали они недолго, потому что – и в этом Илья точно был прав – путешествовать волшебными способами соглашались только энтузиасты. Это было слишком... волшебно. Ева не смогла бы объяснить иначе, просто понимала: для того чтобы наслаждаться

этим потусторонним холодом, картинками, мелькавшими за затянутыми изморозью окнами кабины, нужно было очень сильно любить волшебство, жить им. Сейчас шлюзами пользовались в основном туристы, потому что во многих областных центрах их вовсе закрыли за ненадобностью.

– Тут стучать нужно или как? – растерянно спросила Лика, повернувшись к Жарову, и у Евы отвисла челюсть. Seriously? Она ни разу не пользовалась шлюзом?

Не то чтобы Ева часто перемещалась этим способом – мама была категорически против, – но любой человек хоть раз в своей жизни должен был прокатиться на ВД.

Жаров обошел Еву и вразвалочку приблизился к двери.

– Сим-сим, откройся, – издевательским тоном произнес он и толкнул дверь.

Никаких «симсимов» тут не требовалось, как и при входе на станцию метро.

За дверью была небольшая, ярко освещенная комната с низким потолком. Папа говорил, что раньше пространство увеличивали волшебством, но это было слишком энергозатратно, поэтому со временем шлюзовые оставили такими, какие есть. Вероятно, тот, кто изначально размещал шлюз в помещении бывшего амбара, после пожалел о своей неосмотрительности. С другой стороны, это все строилось, когда люди были очарованы волшебством и верили в его силу.

В шлюзовой было прохладно, и Ева запахнула куртку, а Лика, на которой были лишь облегающая футболка и драные джинсы, потеряла предплечья.

– Ничего себе дубак, – пробормотала она.

Ева хотела было нажать на кнопку вызова дежурного по шлюзу, но тут дверь в правой стене открылась. Из нее вышла немолодая волшебница в длинном сарафане и душегрее. Еву завораживали костюмы работников шлюзовых. Они создавали ощущение, будто ты попал прямо на страницы сказки.

– В РАВ? – уточнила волшебница.

– Да, – громко ответила Ева, и женщина достала из сумки на поясе тетрадный листок.

Волшебница пробежалась взглядом по их пропускам и строго посмотрела на Жарова:

– Твой пропуск где?

– У Громовой, – без зазрения совести указал на Еву Жаров.

Ева хотела уточнить у него, не дурак ли он, но волшебница повернулась к ней:

– Через десять минут сюда придет группа из Камня-на-Оби. Сорок человек. Ты думаешь, у меня есть время шутить?

– Да, Громова, доставай пропуск из рюкзака.

Что-то в том, как Жаров это сказал, Еве не понравилось. Неужели этот гад?.. Сбросив с плеча рюкзак, Ева открыла его и даже не удивилась, увидев угол пластика, торчавший из внутреннего кармашка. Смерив шутника взглядом, она передала пропуск волшебнице. Та протянула его Жарову, предварительно проведя им по путеводному клубку, прикрепленному у входа в кабину. Ярко-красная нить была небрежно обмотана вокруг большого ржавого гвоздя, вбитого прямо в стену, но при этом клубок каким-то образом выглядел идеальным шаром. Еву завораживало это сочетание обыденности и волшебства.

– Проходим, отмечаем пропуска, занимаем места, – заученно принялась раздавать указания волшебница. – По кабине не перемещаемся, поручни не отпускаем, не кричим и не пытаемся открыть кабину на ходу. Понял, Женя Жаров? – строго закончила она.

– Да понял. Не дурак, – ответил тот.

– Отлично, – смерила его взглядом волшебница и только после этого отступила в сторону.

Ева первой вошла в кабину, проведя пропуском по клубочку. Нить из красной на миг стала голубоватой. В кабине она поставила дорожную сумку в специальный отсек для багажа и заняла крайнее левое место прямо у большого окна. Внутри у нее все вибрировало в ожида-

нии перемещения. Ева любила порталы, ковры-самолеты, сапоги-скороходы. Прав был Илья, когда называл ее ископаемым.

– Капец тут холодно, – хмуро произнесла вошедшая Лика и с брезгливым видом запихнула спортивную сумку в отсек. Сумка встала криво, и Лика пнула ее ногой, а потом посмотрела на поручень так, будто братья за него было ниже ее достоинства.

– А будет еще холоднее, – сообщил Валера Голосов, успевший натянуть вязаную кофту.

Ева достала из рюкзака прихваченный специально для перемещения палантин и собралась было предложить его Лике, но Жаров уже успел отдать той вытащенную из рюкзака толстовку в черепах и скелетах. Толстовку Лика снисходительно приняла.

«Тяжело жить принцессам», – подумала Ева, закутываясь в свой палантин. А еще подумала, что все вроде как налаживается. Жаров, кажется, нашел, куда применить свою неумную энергию.

– Отправляемся! – раздалось из динамиков, и Ева поспешно схватилась за поручень.

Кабину качнуло, и они поплыли сквозь ничто.

В первый раз Ева путешествовала по волшебной дороге совсем маленькой и не помнила, что тогда увидела. Вторая поездка случилась через несколько лет после того, как четырехлетняя Ева заблудилась в лесу, и за окном несущегося сквозь пространство и время вагона она увидела человека в черном плаще. И с тех пор каждый раз она видела именно его. Нет, он никуда не звал ее, ничего не делал. Просто смотрел, и Еве казалось, что его взгляд таит в себе ответы на все ее вопросы.

На самом деле никто не мог объяснить, что именно видят путешествующие по волшебной дороге. Даже глядя в одно окно, два человека могли увидеть совершенно разные вещи. Илья говорил, что каждый раз видит чьи-то дома и заметающую их метель. Мама не рассказывала, что она видит. Досадливо отмахивалась, считая, что это просто игры подсознания. А папа был уверен, что мы видим то, что когда-то происходило на самом деле. При РАВ даже раньше существовал отдел, занимавшийся расшифровкой этих видений. Но его работа осложнялась тем, что видения были не всегда четкими, и, как ни старались, специалисты так и не смогли доказать, что в них есть какая-то польза для предсказания или предостережения.

Неожиданно Лика взвизгнула и, зажмурившись, разжала руки.

– Не отпускай поручень! – крикнул Валера.

– Не орите! – прошипел на них Жаров, который, к удивлению Евы, вел себя в соответствии с инструкциями.

– Ты в порядке? – спросила Ева у Лики, но та покачала головой и зажмурилась еще сильнее.

Ее губы беззвучно шевелились. Вцепившаяся в поручень побелевшими пальцами, в толстовке Жарова, которая была ей немного велика, Лика уже не выглядела такой самоуверенной, и Еве даже стало ее жалко.

– Осталось совсем чуть-чуть, – подбодрила ее Ева.

Наконец кабина дернулась и, покачнувшись, остановилась. Лика торопливо схватила свою сумку и рванула к открывшейся двери.

– Куда ты? Пропуск приложи! – послышался голос встречавшей их дежурной.

Ева вышла из кабины, приложила пропуск к висевшему снаружи клубку и поздоровалась с дежурной. Та с беспокойством смотрела на Лику, кутавшуюся в толстовку Жарова.

Здесь оказалось гораздо теплее, чем в Москве, и одуряюще пахло соснами, окружавшими территорию Российской академии волшебства.

– Удачи в школе! – помахала им вслед волшебница. – Надеюсь, осенью уже приедете к нам насовсем.

– Спасибо! – искренне ответила Ева и, не в силах сдержать улыбку, вдохнула полной грудью. – Мы постараемся.

– Ни за что, – пробубнил себе под нос Жаров.

– А зачем ты сюда тогда приехал? – спросил Валера и поправил очки.

– Ни за чем! – огрызнулся Женька и пошел по узкой асфальтовой дорожке к корпусу здания, над крыльцом которого висела вырезанная из дерева табличка «Добро пожаловать в мир волшебства». Ниже была надпись: «Волшебство должно служить добру».

Две белки, безмятежно сидевшие на дорожке, завидев приближающегося Жарова, бросились в разные стороны. Ева не стала забивать себе голову странностями одноклассника, потому что не собиралась портить себе ни минуты, проведенной в этих стенах. Она слишком долго об этом мечтала. Здесь даже природа казалась волшебной: зелень будто была ярче, облака над корпусом походили на корабли, а еще пахло морем, хотя никакого моря рядом не было. Только Ладожское озеро, до которого отсюда ехать и ехать.

– Ненавижу волшебство, – нарушил ее единение с этим потрясающим местом раздраженный голос Лики.

Лица, успевшая вернуть Жарову его толстовку, вытащила из сумки свою, надела ее и с видом обреченного на казнь пошла вслед за Женькой, и на этот раз Валера Голосов благоразумно решил не уточнять, зачем же она тогда сюда приехала.

Глава 3. Добро пожаловать в школу

На крыльце академии их встретил парень в джинсах и потертой футболке. И улыбка у него была такая, что для кого-то сама по себе могла стать поводом для приезда в РАВ.

– Добро пожаловать. Меня зовут Никита, и сегодня я буду вас везде сопровождать, – с этими словами он протянул руку Жарову.

Жаров ответил на приветствие безо всякого энтузиазма. Зато Валера Голосов ухватился за ладонь Никиты обеими своими и нелепо затряс ее в воздухе.

– Очень рад познакомиться. Очень рад, – повторял он.

Лица фыркнула и закатила глаза, а Никита неожиданно повел себя так, будто Валера совсем нормальный, чем выиграл сразу несколько очков в глазах Евы. В добавление к улыбке. А еще к тому, что он учился на волшебника.

Лица при виде Никиты заметно повеселела. В ней увидеть положительные черты Еве пока не удалось, несмотря на то что они вместе оказались в этой школе, а значит, просто обязаны были иметь хоть что-то общее.

– Идемте перекусим, и заодно я расскажу вам о распорядке, – Никита указал на входную дверь. – Подъем у нас в семь тридцать. В башенке астрономического корпуса сидит Петушок – Золотой грешок, так что проспать – не вариант.

– Настоящий? – шепотом спросила Ева.

– Не поверишь, да. Всего на территории РАВ около десяти аутентичных артефактов, которые сейчас находятся под охраной Всемирной ассоциации волшебников.

Никита распахнул скрипучую дверь и пропустил Лику вперед. Ева прошла следом за ней, улыбнувшись Никите. Тот улыбнулся ей в ответ.

Кто-то сказал бы, что в этом нет ничего особенного, но парни никогда не улыбались Еве. В школе они в лучшем случае просто не обращали на нее внимания, а в худшем – превращали ее в объект насмешек. Поэтому, когда Никита улыбнулся ей так приветливо, как будто она, по его мнению, заслуживала улыбку, ее сердце зашлось от восторга. Это было как прикоснуться к волшебству. Ведь именно оно могло любого сделать счастливым.

За дверью оказался просторный холл. Солнечный свет, лившийся через витражные окна, раскрашивал белый пол разноцветными кляксами. На бежевых стенах висели памятные доски с фотографиями ученых, и Еве дико хотелось остановиться у каждой из них, чтобы прочитать сопроводительные надписи. В интернете не было ни одного реального фото или видео отсюда, поэтому Ева понятия не имела, как выглядит академия изнутри. Ей почему-то казалось, что это будет что-то вроде сказочного дворца, которые показывали в фильмах или мультках. На деле же здание походило на обычный институт или колледж. И внутри тоже. Холл, две лестницы по бокам, ведущие куда-то вниз, два коридора, уходившие направо и налево, на противоположной стене по центру – герб академии: венок из трав, парящий над раскрытой книгой, а под ним...

– Это кто? – шепотом спросила Лица.

Ева опасливо подошла к большому аквариуму, заполненному водой. На дне аквариума лежали камни, вдоль стенок тянулись водоросли, и с виду он выглядел бы совсем обычным, если бы не существо, сидевшее в нем. На большом камне примостился... получеловек ростом с ребенка лет пяти. Его голый торс был покрыт короткими коричневыми волосками, а проникавшее в холл солнце блестело на чешуйках длинного хвоста, уходившего в прозрачную воду. Существо перебирало в руках что-то, похожее на четки или на бусы, а его маленькие, глубоко посаженные глаза безучастно смотрели в пространство. На подошедшего вплотную к аквариуму Жарова оно не обратило ни малейшего внимания.

– Это водяной, – пояснил Никита.

– Настоящий? – уточнила Ева.

– Ага. Только неразумный. Это класс головорыбых или как-то так. У меня с биологией не очень, – обезоруживающе улыбнулся Никита, и Лика немного нервно рассмеялась.

Жаров меж тем коснулся рукой воды.

– Э-э, ты бы так не делал, а то... – начал Никита, но договорить не успел: Жаров, чертыхаясь, отскочил от аквариума, трясая рукой, отчего во все стороны летели брызги.

– Что за на фиг?! – воскликнул Женька.

– Он же электричеством бьется, как скат, – произнес Валера поучительным тоном.

Жаров смерил его убийственным взглядом и вытер руку о джинсы. Водяной сидел всё в той же позе, будто ничего не случилось.

– А разумные водяные существуют? – спросила Лика Никиту.

– Конечно существуют, – ответил Валера. – Только они водятся...

– Голосов, не души, а? Ты меня в школе достал своими вечными комментариями, – Лика демонстративно закатила глаза и покосилась на Никиту.

Тот вежливо улыбнулся и указал в угол холла:

– Вещи оставляйте здесь. Их потом перевезут в общежитие, чтобы вам с ними по корпусам не таскаться. А нам сюда. Столовая в той стороне.

От основного коридора, по которому они направились к столовой, отходила целая куча боковых ответвлений, и все они были похожи друг на друга. Папа когда-то говорил, что в академии есть такие места, из которых невозможно выбраться. Впрочем, Ева не знала, правда это или он просто так пугал их с Ильей в ответ на просьбы взять с собой хоть одним глазком посмотреть на академию.

– А вы здесь работаете или учитесь? – по дороге спросила Лика.

Никита повернулся к ней, чтобы ответить, и в этот момент из-за двери, мимо которой они проходили, раздался жуткий рев. Ева с Ликой синхронно шарахнулись в сторону. Когда Валера спокойно сказал: «Это воюющие болота. Они размером с ладошку», выдохнувшая с облегчением Ева поняла, что вцепилась в запястье Никиты.

– Простите, – пробормотала она, а он ей снова улыбнулся как ни в чем не бывало.

Жаров толкнул дверь, за которой нечеловечески выли болота размером с ладошку (кстати, о них Ева слышала впервые), но дверь не поддавалась. Лика успела взвизгнуть:

– Не открывай!

– Ни одна дверь не откроется без специального пропуска, – сообщил Никита. – И я работаю здесь младшим научным сотрудником, – ответил он на вопрос, о котором, кажется, все уже и думать забыли.

– Круто! – вырвалось у Голосова. – А что оканчивали?

– А РАВ и оканчивал. Кафедру реконструкции волшебных артефактов.

– Да ладно? – выдохнула Ева, замороженно глядя на затылок Никиты. Его блестящие черные волосы спадали на шею красивыми локонами.

– А что? – Никита обернулся.

– Ну, просто я тоже мечтаю на нее поступить, – смущенно пробормотала Ева и, кажется, немножко влюбилась.

С ней такое бывало. Другое дело, что объекты ее влюбленности обычно не обращали на нее внимания и не улыбались так тепло, как Никита.

Лика, кажется, заметила ее состояние и усмехнулась, а Ева погрузилась. Против Лики у нее явно не было никаких шансов. Не то чтобы она о таком думала. Нет, конечно. Но стало немножко грустно оттого, что что-то настоящее и классное снова проходит мимо.

К счастью, за другими дверями никто не выл, и до конца коридора они дошли спокойно. Никита провел ладонью перед блюдцем, закрепленным на стене справа от двери. Кайма блюда на миг засветилась синим, и дверь открылась с негромким щелчком.

– Здесь все вот такое? – Лика указала на блюдечко.

– В каком смысле? – не понял Никита.

– Ну, нормальных замков нет?

Никита рассмеялся и, понизив голос, добавил:

– Я тебе больше скажу: здесь даже Сеть не ловит.

– Да ладно? – не поверила Лика и полезла в карман за смартфоном.

Ева не стала проверять свой телефон. Она-то отлично знала, что электронные приборы на волшебных объектах не работают, оттого-то люди в свое время и встали перед выбором: волшебство или наука. Совместить эти два мира пока не получалось.

Не дожидаясь Лики, она вошла в приоткрывшуюся дверь, за которой обнаружился очередной коридор. Жаров вошел вслед за Евой и остановился напротив схемы эвакуации при пожаре.

Ева принялась разглядывать Жарова, о котором на самом деле не знала почти ничего. Они учились вместе с первого класса. Женька появился уже после начала учебного года. Его поставили тогда у доски и попросили рассказать о себе. Рассказа Ева не помнила. Да и самого Жарова в начальных классах она не помнила тоже. Тогда она еще наивно верила, что сможет завести друзей, и испытывала необъяснимую симпатию к Костику Фёдорову.

Бешеным Жаров стал, кажется, классе в четвертом. Его семья куда-то уезжала на время, а вернулся он уже вот таким. К тому моменту Костик Фёдоров был свергнут Евой с пьедестала первой любви, потому что однажды собрал своих дружков за школой, позвал туда Еву и они принялись дразнить ее за очки, которые она носила в начальной школе. Золотарёва, которой нравилось унижать тех, кто, по ее мнению, этого заслуживал, прочно заняла место лидера, а Ева все чаще становилась объектом для насмешек.

С возвращением Жарова настроения в классе изменились, потому что он уверенно перетянул на себя всеобщее внимание. Ева не могла сказать, что он целенаправленно над кем-то издевался, нет. Просто ему нравилось творить всякую дичь, громко и напоказ. Сначала Ева пыталась найти в его поведении логику, но потом бросила. Просто старалась лишний раз не попадаться ему на глаза.

Причем, если та же Золотарёва предпочитала просто унижать кого-то из одноклассников и большинство к ней с энтузиазмом присоединялись, то Жаров никогда не оказывался в компании тех, кто кого-либо травил. Он был сам по себе. В последние пару лет директор школы даже не пытался искать виноватых, если вдруг что-то случалось. Виноватым автоматически считался Жаров. И судя по тому, что он не спорил, так это и было. Он мог вылезти на крышу школы и усесться на парапет, объяснив это тем, что ему нужно заполнить дневник погоды по окружающему миру. Мог оборвать бутоны роз в оранжерее и нанизать их на кактусы в кабинете биологии, мог перерезать провода от микрофона во время линейки. Просто потому, что, по его словам, ему было скучно.

Вот такие странности скрывались во вполне милом на первый взгляд мальчике.

– Чего тебе? – Жаров обернулся к Еве.

– Да ничего, – пожала плечами та. Не спрашивать же, почему он такой придурок.

К счастью, в школе он в основном ее не замечал. А здесь, вдруг поняла Ева, даже фоновый страх попасть в поле его внимания у нее будто бы прошел. Волшебство, не иначе.

– Как круто! – Валера возник рядом. Его глаза сияли.

– Где круто? – скептически уточнил Жаров.

– Да везде! – Валера обвел рукой ярко освещенный коридор с унылыми стенами светло-серого цвета и одинаковыми дверями, лишенными каких-либо опознавательных знаков.

Жаров несколько секунд смотрел на него так, будто не верил своим ушам, а потом уточнил:

– Ты debil?

Но Ева прекрасно понимала, о чем говорит Валера, потому что по ее коже бежали мурашки только от одного осознания, что она здесь. От того, что за каждой из этих безликих дверей живет волшебство.

Она собралась было шепнуть Валере, чтобы тот не обращал внимания на Жарова, но Валера неожиданно ответил:

– Я – волшебник, Женя. И ты тоже, раз уж ты здесь.

Жаров заржал.

– Я здесь не для всего вот этого. И восхищаться волшебством могут только такие, как Громова, – неприятно усмехнулся он.

– Какие? – сложила руки на груди Ева, замирая от мысли, что в школе никогда не стала бы связываться с ним в спор.

– Да вот такие, – Жаров указал на нее, будто это все объясняло, а потом добавил, брезгливо кривя губы: – Такие, которые носят на рюкзаке герб РАВ, а на переменах по роликам из инета пытаются научиться передвигать стирашку по парте.

– Это было в шестом классе! – заливаясь краской, крикнула Ева, даже не желая думать о том, откуда ему все это известно. – Что вы все ко мне лезете? Я же вас не трогаю! Никого учиться по роликам из инета не заставляю.

Ева попыталась передразнить его тон, но он смотрел так обидно, что она поняла: еще чуть-чуть – и она просто разревется.

– Знаешь, Жаров, ты меня достал! – прошипела Ева.

– Жаров? – уточнил незаметно подошедший вместе с Ликой Никита и уставился на Женю бейджик, будто до этого не обратил на него внимания. – Матвей Семёнович тебе, случайно, не родственник?

С одной стороны, Ева вздохнула с облегчением оттого, что появление Никиты свело ссору на нет, а с другой – она втайне надеялась, что Никита за нее заступится. За нее никогда никто не заступался.

– Дядя, – хмуро признался Жаров.

– Ничего себе! Что же ты сразу не сказал?

Эта новость вызвала такой восторг у Никиты, что Ева, отложив обиду до лучших времен, заново пригляделась к Жарову, но ничего необычного в нем не увидела. Жаров как Жаров. Хотя о том, что кто-то из его родственников известен в волшебных кругах, она понятия не имела.

– А я бы и сейчас не говорил, но дядя все равно спалит. Идемте уже размахивать волшебными палочками или что вы тут делаете?

Никита тепло улыбнулся.

– Я понял тебя, – неожиданно произнес он, но ни с Валерой, ни с девочками тайным знанием о Жарове не поделился. Зато сказал: – Давайте договоримся сразу: все свои разборки оставляете на потом. Волшебство – это не просто размахивание палочкой. Это возможность изменить мир вокруг. Пусть и минимально. И как думаете, сколько человек, чувствуя на кого-то злость или обиду, изменят мир в лучшую сторону?

В коридоре повисла тишина.

– Прости, Громова, – неожиданно произнес Жаров и, увидев обалдевший Евин взгляд, пояснил: – Ну, я просто не хочу превратиться в лягушку.

– В жабу тогда уж, – не удержалась от улыбки Ева.

– Ну вот и славно, – подытожил Никита. – Идемте. И кстати, поскольку я тут никого ничему не учу, ко мне можно на «ты».

– А здесь правда будут волшебные палочки? – спросила Лика после пары минут тишины.

Еве показалось, что она просто хочет обратить на себя внимание впавшего в задумчивость Никиты.

– А что ты знаешь о волшебстве? – спросил Никита и толкнул дверь, которая ничем не отличалась от десятка тех, мимо которых они прошли ранее. За дверью оказался точно такой же коридор, и Ева всерьез задумалась о том, что стоило бы запоминать дорогу, потому что без провожатого они ни за что отсюда не выйдут.

– Сама не пользовалась, – уклончиво ответила Лика.

– Предмет не важен, – встрял в разговор Валера. – Это может быть палочка, колечко, шапка, пальто... Хоть ржавый гвоздь. Главное, что он будет помогать тебе сосредоточиться на том, что ты собираешься сделать. Нам же это рассказывали еще в третьем классе!

– Верно! – поддержал его заметно оживившийся Никита и прибавил шаг.

По пути он указывал то на одну дверь, то на другую, с воодушевлением рассказывая: «Тут у нас расшифровка древних рун. А тут синие змейки. Сирены тихоокеанские...»

Ева смотрела на него, такого вдохновенного, и сама заражалась восторгом. Ей хотелось открыть каждую из этих дверей, и она точно знала, что однажды сможет это сделать.

Глава 4. Артефакты

– Сейчас не пугайтесь, – предупредил Никита, открывая очередную дверь.

Надо сказать, предупреждение не было лишним, потому что стоило двери открыться, как раздался дикий вопль.

Лица зажала уши, и Ева еле удержалась от того, чтобы не повторить за ней.

– Это Соловей-разбойник. Тоже неразумный, – как ни в чем не бывало пояснил Никита, указав на сидевшего в углу на табуретке косматого человечка, который доходил Еве до колена. – Он волнуется, когда приходят новые люди.

Оказалось, они дошли до столовой. Это было просторное светлое помещение с окнами от пола до потолка. Пол выглядел деревянным, но, присмотревшись, Ева поняла, что это линолеум. Зато столы были из настоящего дерева, как в сказках: массивные, на фигурных ножках. Их здесь стояло штук двадцать.

– Выбирайте любой стол, – приглашающе махнул рукой Никита, а сам направился к Соловью-разбойнику.

Тот, увидев его, засвистел, и футболка Никиты затрепетала от порыва ветра.

– Ну тише, тише. Это свои.

Соловей-разбойник отреагировал на ласковый тон тихим свистом.

– А если бы был разумный? – вполголоса спросил Жаров, обращаясь непонятно к кому.

Ответил, разумеется, Валера:

– Если бы свистнул разумный, от столовой бы ничего не осталось.

– А разумные в природе существуют? – из голоса Лики исчезли снисходительные нотки.

– Говорят, да, – пожал плечами Валера.

– Откуда ты все это знаешь? – не выдержала Ева.

Вдруг оказалось, что она, грезившая волшебством, до этого дня рассматривала его только с прикладной точки зрения. Как папа. Для нее волшебство сводилось к артефактам, с помощью которых волшебник может менять мир вокруг. Волшебных существ в этом уравнении Ева не учитывала. Признаться, она даже не особо в них верила, потому что ролики в инете с одинаковым упоением рассказывали о снежном человеке, лох-несском чудовище, чупакабре и тихоокеанской сирене, но ни одного четкого доказательства существования хоть кого-то из них не приводилось.

– От бабушки, – неохотно ответил Валера.

– А бабушка у нас кто? – с любопытством спросил из угла Никита, успокоивший наконец Соловья-разбойника и теперь гладивший его по лохматой голове.

– А бабушка, Арина Венедиктовна, служит... Хозяйке Медной горы, – ответил Голосов с еще меньшим энтузиазмом, и лицо Никиты вытянулось.

– Вот блин, – сказал он.

Было видно, что бабушка Валеры вызвала в нем гораздо меньший восторг, чем дядя Жарова, а Валера скривился так, как будто у него болел зуб.

– А что в этом страшного? – уточнил Жаров, разглядывая Валеру.

– Да ничего, – пожал плечами тот.

– М-да, – вздохнул Никита. – Угораздило же тебя родиться в семье, где мужчин... не очень любят. Кстати, твоя бабушка здесь весьма известна.

Судя по тону, Никита не слишком одобрял такую известность.

– Обалдеть, – прошептала Лица, склонившись к Еве. – Вот так учишься с человеком всю жизнь, а у него тут бабушки внезапно волшебные.

– И не говори, – ответила Ева.

Ей отчего-то стало очень жалко Валеру. С другой стороны, при такой генетике шанс стать крутым волшебником в короткие сроки у него был гораздо выше, чем у нее. Как ни крути, если ориентироваться на родню, то Евин папа был весьма посредственным волшебником. Во всяком случае, ни один из созданных им артефактов так и не заработал в полную силу.

Стол в итоге выбрал Никита. Он же и позвонил в стоявший на нем колокольчик. Усевшись вместе со всеми, Ева принялась разглядывать Соловья-разбойника, который был занят тем, что тербил край своей клетчатой рубашки, при этом одобрительно посвистывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.